

Лиля уже привыкла уходить от вопроса «куда поступаете». Демонстрировать легкомысленное неведение было куда безопаснее. Иначе на Лилю напирало недоверчивое непонимание: мол, как так, музыкальное училище, а жить-то на что твой Богдан собирается? Или у вас какие-то знакомства?

Тем, кто задавал вопросы, было не объяснить, что из всего школьного кошмара самым нестрашным оказалось необязательное. Впрочем, как во всём. Необязательное дополнительное образование, частью которого была музыкальная студия. И её преподаватели: концертмейстер Светлана Николаевна, энергичная, радушная, несокрушимая, умеющая вовремя дать по мозгам командирским тембром, и её сын Андрей Петрович, студент консерватории, флейтист. Флейта – это трогательно, красиво, легко, это «Шутка» Баха. Флейта – это не фортепьяно, с нею удобно мыкаться по съёмным квартирам.

Теперь понятно тебе, какие у нас «знакомства», толстая очковая змея с физиономией навозной мухи?! Что поделывать, Лиля была глубоко травмирована – и в своем воображении могла ответить и так. Она довольно быстро поняла, что самое страшное в школе даже не учителя, а масонская ложа под названием «родительский комитет» и примыкающие к нему агрессивные активисты. Очковой змеей с физиономией мухи Лиля прозвала одну мамашу, жену начальника ГИБДД, которая всегда что-то бухтела в первых рядах на родительских собраниях. И ведь что характерно: относительно здоровые рассудком и душой мамы и папы на этих сборищах рассаживаются по углам и высказываются редко, зато всякая сволочь сбивается в громогласную стаю!

Именно в этой стае родилось inferнальное решение одарить мальчишечью часть третьего «А» класса мужским парфюмом. На 23 февраля. Что ж

добру пропадать, если кто-то из «комитетских» трудится коробейником, впаривающим продукцию типа «Эйвон». Мужская линия товара тоже нуждается в эффективном продвижении. А в школе как удобно – родители без звука сдадут на подарки детям нужную сумму.

Но какие же это всё семечки по сравнению с ценой выпускного вечера! Выпускная истерия началась уже в сентябре: объявили, что именно с этого года зловредный департамент запретил празднование окончания школы в самой школе. Причину очередного чиновничьего маразма Лиля сразу забыла, потому как её поразила величина поборов «с носа». За каждого ребёнка следовало заплатить двадцать пять тысяч! Ведь теперь празднование переместилось в пафосный ресторан, потому что непафосные уже все заняты! И это почти за год до мероприятия! И в означенную сумму, заметьте, не входит спиртное, потому что официально оно запрещено, а неофициально дети, разумеется, его пронесут сквозь любое игольное ушко...

Это потом, когда уже оттремят грозы того памятного года, Лиля вчитается в сообщения о продвинутых выпускниках, которые вместо пира во время чумы делали благотворительные пожертвования для больных детей – и не ходили ни в какие дорогие кабаки. Вот и Богдан не хотел идти! Ни в какую... Но Лиля вбила себе в голову, что когда он повзрослеет, с него облетит буйный цвет подросткового нонконформизма, и, если в его жизни не будет выпускного, он ощутит себя обиженным и обделённым. А благотворительная идея ей тогда в голову не пришла, да и кто бы её одобрил, памятуя об очковых змеях.

К счастью, среди родительниц быстро созрела оппозиция. Это была крошечная антипартийная группа, но Лиля поспешила к ней примкнуть, ибо её адепты разыскали возможность сильно удешевить помпезный

праздник. Другого выхода не было: впрочем, учительница ещё озвучила вариант общего гуляния в Парке Горького, но в доверительной беседе созналась, что в прошлом году там кого-то из ребят пырнули ножом, но, дескать, если вы хотите, я могу... «Нет, спасибо!» – отрезала Лиля.

Она жалела, что уже не может посоветоваться с мамой Вовки Гринвальда – ведь тот ушёл из школы после девятого класса. Но раньше по всем вопросам Лиля кричала «SOS» маме Гринвальд. У неё всегда находился суровый, чёткий и невозмутимый ответ. Даже когда случился тот вопиющий эпизод. Богдану нужно было сделать презентацию о Высоцком. Это было дополнительное внеклассное задание, и Лиля его горячо поддержала и помогла, тем более надо было успеть за один вечер. Когда всё было готово, Лиля сказала:

– Флэшку не потеряй. Перепишешь – и сразу возьми её обратно! Не заставляй меня снова звонить вашей классной, она и так всё время мне выговаривает за твоё поведение.

– Так это задание мы не ей сдаём! – отозвался Богдан.

– А кому же?

– Да... этому... нашему педофилу.

– Кому??! Ты о чём говоришь-то? Что за шутки?!

Богдан досадливо отмахнулся, успев уже погрузиться в компьютерную игру.

– Ну, мам, про это все в нашей школе знают! У чьих-то там предков случился скандал с одним учителем, и они на него накатали жалобу. Написали, что он педофил. Об этом даже передача была у Малахова в «Пусть говорят». И, вообще, всем об этом на родительском собрании рассказывали, но ты же на них не ходишь, – с одобрительной иронией закончил Богдан.

И как ни в чём ни бывало уставился в экран. Маленький вечерний апокалипсис... Свиристое материнское дознание о том, является ли тот добрый человек извращенцем – а Лиля по описаниям его узнала – только позабавило сына. По-человечески Лиля, разумеется, понимала, что очередной несчастный педагог был оклеветан могущественной масонской ложей, но на всякий случай настоятельно советовала Богдану не оставаться с оклеветанным наедине. «Отдашь флэшку – и беги!» – шептала маменька.

– Я кто, мистер Бин, что ли? – резонно парировал Богдан.

Мама Гринвальд по телефону спокойно подтвердила, что опасности нет. «Чисто!» – как кричат сотрудники ФБР в сериалах, врываясь в квартиру к подозреваемым. В разговоре с нею Лиля постепенно привыкала к мысли, что педофил в школе – в общем-то обыденное и безопасное явление, особенно если его показали по телевизору. Местами даже полезное – вот, про Высоцкого ребёнок узнал. Но маму Гринвальд больше интересовала успеваемость по основным предметам.

– Да, Богдан тоже стал хуже учиться... А главные подростковые бури ещё впереди! – вторила Лиля.

– И сколько они будут продолжаться, эти бури? Не хотят учиться – в институт не поступят, пойдут в армию, а если после неё никуда не возьмут, будут малярами. Вот тогда пожалеют, что в школе дурака валяли!

Фаталистичная и монотонная логика мамы Гринвальд методично расшатывала Лилины устои. Но Лиля всё равно стремилась с ней подружиться. Вот так, наивно и бесхитростно. Почему фуриям-активисткам можно дружить, а симпатичные люди жмутся по углам и бочком-бочком, скорее бы слинять? Лиля тоже хотела свою уютную команду, где она могла бы поплакаться и разузнать последние сногшибательные новости. А то ведь как приходишь на эти многочасовые родительские сходняки, так сразу чуешь вокруг себя враждебный лагерь тех, чьи дети опять победили на городской олимпиаде или отличились осенней поделкой. И, конечно, все они аккуратно оплатили методические тетради и задачки, которые организовано закупились самоотверженной мамой Нади Деревянко. Теперь эта Деревянко зачитывает списки должников, и Лиля слышит свою фамилию номером первым. Деревянко со зловещим смаком добавляет: «Ну, здесь за много лет задолженность».

Отмахиваясь от неприятностей, Лиля вспоминала, как она увидела Вовку вовсе не с мамой, а с неким редким в наших пенатах персонажем – мужчиной невысокого роста с курчавой рыжей бородой и в круглых очках. «Профессор Венской консерватории», – прозвала его про себя Лиля. Профессор забирал Вовку с музыкального занятия и элегантно взял в руку футляр с флейтой. Он ему очень шёл! «Это Вовин папа?» –

благословенно любопытным шёпотом спросила Лиля у Богдана.

– Нет, кажется... По-моему, это дядя, – неуверенно ответил Богдан. – А что?

Да так... Лиля смотрела, как две удаляющиеся хрупкие фигуры замечает мелкий сумеречный снег. Уютная сказочная картина, и не воспоминание ли о ней заставляло иногда Лилю налетать на сына с расспросами о Гринвальдах, о том, куда Вовка собирается поступать и куда он едет на каникулы. Любопытство было чревато всплесками Богдановой зависти к Вовкиным вольностям, что позволены тому в семье: якобы и флейту разрешили забросить, и на двойки смотрят сквозь пальцы. Всё это Лиля отвергала с гневом, как чудовищный наговор, потому что ребёнку в чужой тарелке всегда вкуснее. В семье Гринвальд любому компромату есть рациональное объяснение: оставил флейту – значит, решено вернуться к баяну, прощают двойки – значит, решено сделать упор на другой предмет. Но под скорлупкой родительского благочестия жил червячок материнской корысти: Лиля подспудно поощряла дружбу сына с тем, кто, быть может, избежит утомительной толкотни у раздачи. Пойдёт неожиданным обходным путём, памятуя о родственниках в Америке – и, конечно, о манящем дяде «как бы профессоре». Выходит, что Лиля скатывалась в меркантильную мелодраму, тайно веря в благо наследства. Но разве тот, кто получает благополучие без усилий, по праву рождения, легко раздаёт дары тем, кто вовремя оказался рядом? На этот вопрос в разное время жизни мы отвечаем по-разному, но в любом случае хотим, чтобы детям повезло больше.

Особенно если выбранная ими профессия располагает к таким мыслям. Когда шесть классов музыкальной студии остались позади, Богдан перешёл на саксофон. Впрочем, сказать легко, а на деле переходный период стал великой эпохой перемен, навсегда оставившей Лилю неуверенной, суеверной, мнительной и нервной. Ведь саксофон – это не флейта, нежный неприхотливый цветок, так чутко улавливающий малейшие нюансы твоего настроения, умеющий тебя утешить и напоить живой водой. Пока ты с флейтой – ты можешь оставаться ребёнком. Про саксофон же Лиле была памятна история с однокурсницей Наташей, которая вдруг решила стать саксофонисткой. Хотя чего

удивляться, – учась на журфаке, можно стать кем угодно... Наташа была близка к музыкальным кругам, и кто-то авторитетный объяснил ей, что научиться играть на этом инструменте можно, только лишь не выпуская его из рук круглые сутки. Наташа, будучи девушкой страстной в достижении некоторых целей, приняла эту максиму буквально. И вот уже знатный общажный ходок Виталик сплетничал в кулуарах, охлаждая чей-то пыл: дескать, даже не думай, Наташка-то теперь с саксофоном спит...

Когда этот инструмент появился у Лили в доме, она сразу поняла, что спать с ним было бы довольно проблематично. И вообще, лучше ему выделить отдельную кровать, а точнее – комнату, потому что ведь на нём надо ещё и играть! Предоставить ему отдельную жилплощадь не было решительно никакой возможности. И тогда Богдан начал постепенно уходить из дома. Незаметно, по долям градуса в день его маршрут стал отклоняться от родительской колеи. «Он взрослеет», – эпически вздыхал Игорь. Щадящая трактовка происходящего – одна из важных ролей отца.

Что было очень кстати, потому что в старших классах Богдан совершенно распоясался. Раньше учительские жалобы на него были всё же разбавлены похвалами. Раньше если ругали, то больше не ребёнка, а скорее родительницу. А чего ещё было ожидать, если Лиля его позднее всех забирала с продлёнки?! Это же только говорится, что продлёнка до семи, а на самом деле, будьте добры, забрать до полпятого, а то ваша семья будет считаться неблагополучной. «И вот только не надо про работу, все почему-то могут, а вы не можете! Вы что, в шахте работаете?!» Понятно, что весь этот яд достаточно просочить между строк... «Вы своего сына не знаете! – доказывала Лиле одна воспитательница. – Он к вам вечером уже уставший приходит, вы даже не подозреваете, что он днём вытворяет!»

И, видимо, чтобы тотально пролить свет на порождённого ею оборотня, учителя стали по нарастающей трезвонить Лиле с жалобами на Богдана: хамит, срывает уроки, третирует педагогов. Выкрикивает ужасные вещи со своей задней парты и ходит во время занятий. Жалобы не поступали только от математика и историка – это были мировые мужики, крепкие профессионалы, и Богдану на их уроках было интересно. Они

даже порой его хвалили! Был ещё молодой прогрессивный «англичанин», который, по словам Богдаши, «разрешил всем «хачам», свалить с урока английского, и оставил только тех, кому действительно интересно».

– Никогда не говори «хач»! – гневно воспитывала Лиля. – Это оскорбительно, и к тому же это в переводе означает «крест». Ты фактически обзываешься принадлежностью к христианской вере! Это двойное ругательство. И абсурдное...

– Нет, это слово означало «крест» и до христианства, – возразил неожиданно подкованный Богдан. – А вот ты говоришь «негр». Это, кстати, тоже считается оскорблением! – победоносно закончил сын.

– Эх ты, молокосос, – грустно отзывалась Лиля себе под нос. – Вот как тебе, не читавшему ни «Хижину дяди Тома», ни «Убить пересмешника», объяснить, что слово «негр» никогда не будет ругательным в русском языке, благодаря тому, что мы, советские дети, были видными борцами против рабства и расизма! А то мерзкое словечко всё равно забудь. Придумай другое, нейтральное, раз уж, ты, оказывается, такой лингвист.

Впрочем, не всё было так однозначно в этом споре. Не ко времени Лиля попрекнула отпрыска небрежением к книгам. Как раз в тот момент у них в школе появилась новая учительница русского языка и литературы. И – о чудо: Богдан вдруг горячо заинтересовался поэмой «Двенадцать» и почему «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос»... ещё он полюбил Обломова! С ним теперь можно было поспорить о Достоевском. И даже вечное колебание между тройкой и двойкой по русскому вдруг прорядилось робкими четвёрками! За такой короткий период. Вот что значит хороший учитель, который умеет найти подход к подросткам, а не бежит, чуть что, названивать издёрганной матери! Однако радоваться пришлось недолго: родительский комитет предпринял усилия, чтобы волшебную учительницу уволили. Точнее вынудили уйти. Не угодила она чьему-то «комитетскому» чаду.

Что же до ругательств, разжигающих национальную рознь, то Лиля знала, откуда ветер дует. Один «национальный кадр» распространял в классе наркоту. Все это знали, он тоже был «комитетским» сынком, так что прочие родители быстро поняли, что лучше бросить силы на вразумление своих детей, на их сопротивляемость злу, чем на

борьбу с ветряными мельницами наркомафии. Точнее, Лиля толком ничего не знала о других родителях, просто она сама так решила для себя. Она знала только, что Ваня послал наркосынка по трём осям – значит, это можно сделать без последствий! С Ваней Богдан дружил с начальных классов, и Ванина семья была Лиле надеждой и опорой. Она сама себе казалась мелковатой разночинной и безалаберной по сравнению с основательными патриархальными ценностями этого семейства. Когда Богдан был в гостях у Вани, за него можно было быть спокойным. Кроме того, в школе они хулиганили на пару, и, надо признать, это облегчало Лиле бремя учительских жалоб.

***

Впрочем, она не всегда пряталась за чужие спины. Однажды взбунтовалась! Шёл, кажется, седьмой класс. На одном из собраний, куда Лиля рискнула прийти после долгого перерыва, обсуждали ситуацию с малышом Чонгом. Это был хрупкий тщедушный парнишка, которого обижал какой-то вредный тип, чьё имя и вспоминать не хочется. Богдан был из тех, кто защищал Чонга, что Лиля всегда поощряла – и по недалёковидности думала, что ситуация постепенно рассосётся. Как бы не так! Противный мальчик только расширял зону травли, и родители заволновались. Но волновались они слишком вяло и политкорректно, что внезапно вывело Лилю из себя. Стоило перетянуть сюда, чтобы эти сопли размазывать!

– Послушайте, неужели нельзя один раз хорошенько съездить ему по морде?! Ну сколько можно всем это терпеть! Ведь он явно чувствует себя безнаказанным!

Повисла неловкая пауза.

– А кто будет давать ему по морде? Вы? Чтобы потом в тюрьму сесть? – спросила чья-то строгая мамаша в маникюре со стразами.

– Да хоть бы и я! – Лилю понесло. – А вы, значит, всем стадом будете сидеть, прижавши уши, и бояться тюрьмы, пока ваших детей головой в унитаз макают?!

Лиля несколько сгустила краски, но ей до чёртиков надоела бесконечная победа тёмных сил на школьном поле, будь то жена гаишника или малолетний уродец. Среди родителей начался лёгкий переполох, классный руководитель призвала их к

порядку, и вскоре собрание вошло в привычное русло, но всё же была в нём одна странность: на последней парте, отдельно от всех, сидел мужчина борцовских пропорций с горделиво отстранённым взглядом. Время от времени учительница подходила к нему и что-то приглушенно лепетала. Сначала Лиля думала, что это чинуша с проверкой из какого-нибудь района – просто в необычно хорошей спортивной форме – но потом заметила, что он ставит подписи в тех же бесконечных списках и пишет те же заявления, что и остальные. Значит, чей-то папаша, только почему-то шифруется. И тут до Лили медленно стало доходить... Окончательно она прозрела, когда собрание закончилось, классная подошла к своему визави и, что-то объясняя, произнесла знакомое имя. Стало ясно, что это был отец всеобщего мучителя, измывавшегося над малышом Чонгом. Вместо того чтобы поставить этого типа перед разъяренными мамами, классная уберегала его от народного гнева. И преспокойно дала ему узреть особо рвущихся в рукопашный бой с его сыном. Узнать, так сказать, врагов в лицо с безопасного расстояния! Господи милосердный, на чей стороне сегодня те, что призваны сеять разумное-доброе-вечное?!

Лиля понуро брела домой, отгоняя мрачные мысли о том, чем её выступление может грозить Богдану. Вряд ли, конечно... – а вдруг? Но месяца через два вдруг выяснилось, что мучитель слабых перешёл в другую школу. Бывает же, что вдруг везёт! Ведь не Лилиных же тощих кулачков испугался папаша-разведчик, право слово. Но жизнь нет-нет да и напомнит нам о том, что иной раз лучше сделать что-нибудь бессмысленное и опрометчивое, чем вообще ничего не делать. Выработать правило в подобных ситуациях невозможно, потому что оно будет попирает принцип «не навреди», и всё же, всё же...

Но про реплику о тюрьме Лиля ненароком вспомнила, когда они с Игорем привычно зашли в супермаркет поблизости от дома. В нём бродил между рядами товаров какой-то невменяемый юнец с опухшей физиономией и во всю ивановскую изрыгал проклятья в адрес мироздания. Впрочем, если прислушаться, становилось понятно, что матерился он в адрес своей несчастной матери, бог знает чем провинившейся, что делало атмосферу омерзительно невыносимой. Однако ни один мускул на лицах кассирш и охранника

не дрогнул, покупатели тоже хранили сумрачное молчание, и от этого становилось ещё тоскливей. Меж тем бесноватый тип вдруг подошёл к Игорю поклянчить денег. Тут-то и взорвалась бомба накопленного Игоревы гнева. Матерщинник в подробностях узнал, что с ним произойдёт, если он сейчас же не сгинет в геенне огненной. Лиля с нарастающей тревогой поискала глазами поддержки – если не у опускающих глаза покупателей, то хотя бы у сотрудников магазина. Тишина! Зато, когда они с Игорем укладывали продукты в пакет, они в подробностях слышали, как хулитель своей родительницы с надрывом опытного правозащитника жаловался охраннику на угрозы, поступившие от «вон того гражданина». «Я несовершеннолетний! – кричал юный мерзавец. – А за причинение вреда несовершеннолетнему есть статья! Я теперь боюсь выходить на улицу, мне угрожают расправой». И далее в том же духе. К счастью, охранник оставался столь же индифферентным к происходящему, что и прежде.

«Какая нынче юридически подкованная гопота! – с горечью подумала Лиля. – Порядочному человеку надо быть чертовски осторожным, чтобы ненароком не попасть под раздачу судебной машины. Впрочем, когда у нас было иначе...»

***

И так, с бурлацким грузом горьких истин и недоумений, Лиля добрела до Богданова выпускного класса. Ваня к тому времени взялся за ум, а точнее за углублённое изучение истории и английского, что Лиля восприняла одновременно с радостным трепетом и нотой тревожного разочарования – ведь Богдан-то продолжил прежнюю вредительскую линию поведения. Но, к счастью, в одиночестве он не остался – теперь в их шутовскую компанию прибыло пополнение: Максим и Владик. Владик – загадка: он прекрасно учился, шёл на медаль, которую в итоге и получил. Как он попал в логово ёрников и клоунов с задних парт – неясно, возможно, из нонконформистских соображений и юношеского максимализма. А у Максима была мама с ирокезом! Нет, не сейчас, в молодости, но тем не менее это надолго сделало её кумиром Богдана. В этой семье была невиданная демократия, вплоть до

того, что родительница покупала сыну пиво по пятницам. Разумеется, Лиля по привычке гневно отрицала эти Богдановы наговоры, но не могла отрицать, что решительности Максовой маме не занимать. Той самой решительности, которой так не хватало самой Лиле. Мама с ирокезом побывала на собрании всего лишь раз. Там же и заявила, что ни копейки не пожертвует этой богадельне! То есть ни на дорогой выпускной, ни на его эконом-вариант, ни даже на шарик и прочую праздничную мишуру к последнему звонку. И всё это несмотря на то, что её сын – за компанию с Богданом – был официально объявлен персоной нон грата. Богдан узнал от Максима, что будто бы на то самое собрание приходили школьные психологи и рекомендовали оградить детей от дружбы с двумя анфан террибль. Лиля, уже закалённая в школьных битвах, только зло усмехнулась: «А они случайно не педофилы, эти хреновы психологи? Что ж, дело наживное...»

Но вдохновившись бунтом Максимовой мамы, Лиля всё же не могла пойти за ней до конца. Она по малодушию хваталась за соломинки, которые давали ей надежду на то, что со школой удастся расстаться мирно. И этой соломинкой оставалась музыка. Богдана хвалили, только когда он играл. Увы, для Лили ушли в прошлое чудные концерты музыкальной студии, где она проливала слезу очищения, глядя на музицирующих отроков. Музыкальная часть школы окончена, волшебная флейта отложена в долгий ящик, теперь на общих школьных концертах от Богдана ждут забойного соло на саксофоне. А ведь на нём ещё учиться и учиться, при том что и практика выступлений необходима. Словом, согласно пословице, Лиля выплеснула всю воду, оставив себе тщедушного махонького младенца: на финишной прямой она простила Богдану любое безобразие, кроме отказа выступить на «отстойных» школьных праздниках. Конечно, он бунтовал! Его ведь устраивала роль плохиша, а тут приходилось быть послушным общему порядку. Но на подмогу Богдану приходил сам инструмент: саксофон так устроен, что всегда рад поддержать бунтарство.

Обострял проблему тот факт, что ответственной за праздничные программы была мадам Скворцова. В приближении Последнего звонка и выпускного она написала Лиле с просьбой о Богдановом

участии в торжествах. И тут началось! Богдан костерил Скворцову на чём свет стоит за попсовый балаган, который она готовится инсценировать. А Лиля стояла намертво: вот хоть ты тресни – но хотя бы в чём-то память о себе хорошую оставь! Ко всему прочему Лиле пришлось выдержать двойной огонь: мадам Скворцова со своей стороны стенала о том, что «ваш сын, конечно, приложил руку к тому, чтобы праздник был практически сорван». Приходилось напоминать о лучших временах, когда Богдан и хрупкая, ранимая дочка мадам Скворцовой играли в ансамбле – флейта, скрипка, фортепиано – и даже становились лауреатами городских конкурсов. Прошлые заслуги, а также Лилино слёзное челобитие и покаяние ненадолго смягчили остроту конфликта. Но утром, в день Последнего звонка, Богдан вместе с Максимом угодил в полицию за распитие пива в общественном месте...

– Не раскисай! – стратегически скомандовал Игорь. – В конце испытания всегда самые серьёзные провокации.

И Лиля в слезах побрела вызволять своего несовершеннолетнего охломона, у которого, конечно, не было при себе паспорта. Кстати, отделение пестрело выпускниками с праздничными лентами через плечо – видно, полиция решила выполнить месячный план по задержаниям за счёт детей. Максим же, рисуемый школьными мракобесами как исчадие ада, оказался симпатичным улыбчивым бородачом, излучающим нигилистическое спокойствие. И... Лиле так захотелось, чтобы её тоже успокоили! Прогнав Богдана на уже начавшуюся репетицию к мадам Скворцовой, она отправилась в музыкальную епархию светлейшей Светланы Николаевны и душики Андрея Петровича. И там разрыдалась. Светлана в характерной для себя бодрой манере ласково выбила из Лили всю депрессивную дурь и уверила, что потерпеть надо ещё всего лишь годка два-три, пока у дитятки не закончится козлячий возраст. Но это же в сравнении со школьными годами всего ничего! Мы, ветераны боёв с химерами школьного образования, проглотим этот пустячок и глазом не моргнём.

А концерт по случаю Последнего звонка Лиле неожиданно потряс. Всё-таки музыкальная тональность школы давала о себе знать в решающие моменты. Дети здесь учились талантливые.

Теперь предстояло благополучно пережить ЕГЭ – и в неизвестность следующих испытаний! Однако Лиля в треволнениях как-то подзабыла о том, что предстоит ещё один виток борьбы – выпускной вечер, за который она так билась в масштабах своего семейства. А, как известно, самый коварный враг – тот, кого недооценивают. И враг этот не замедлил подложить свинью.

Торжественная часть школьного выпускного обычно проходила в актовом зале по заданному плану, и ничто не предвещало конфузов. Но нынче конфуз, и нешуточный, входил в программу. После того как по традиции выступили с музыкальными номерами младшие дети, потом таланты из числа самих выпускников – а Богдан сыграл шикарный хит Гленна Миллера на все времена, – начался показательный вальс. Это была тоже постановка Скворцовой, и Богдан, из протеста не удосужившийся даже надеть белую рубашку, в торжественном действе не участвовал. Торжественном – и что уж скрывать! – красивом. Поэтому Игорь не удержался и, подобравшись поближе, сфотографировал кружащиеся в вальсе пары. Но тут за его спиной раздалось хамское шипение очковой змеи, чья мушиная физиономия уже лоснилась от злости. Ей, видите ли, закрыли обзор на вальсирующих. «Среди которых наверняка есть её сын, заранее втиснутый на все мыслимые тёплые местечки», – успела, не всматриваясь, сообразить Лиля. Она уже хотела предупредить Игоря, чтобы он тихо отползал обратно и не вступал ни в какие переговоры с чудовищем, но было поздно.

– Извините! – отозвался Игорь. – Если я вам помешал, могу переслать вам свои фотографии. У меня хорошие кадры получились. Если дадите электронный адрес.

Он простодушно пытался загладить конфликт в зародыше. Но не для того родился человек, созданный по образу и подобию навозной мухи. Прости, Господи милосердный, но в осуществлении Твоего замысла бывают сбои... Муха-змея разразилась шипением: «Адрес?! Да я вам адрес своего мужа дам – вот с ним и будете разговаривать!»

– О, у вас и муж есть? – с оттенком легкого троллинга отозвался Игорь. – Отлично, давайте адрес мужа.

– Да сядь ты уже! – истошным шёпотом возопила Лиля, привлекая внимание рядом сидящих. – Муж – гаишник, к твоему сведению!

Для неподготовленных мужских организмов и обычная школьная линейка может обернуться травмой, не то что выпускной. Зачем Лиля его сюда потащила?! Ну не из тех он правильных пап, которые тихо-тихо, бочком-бочком... Он всё через себя пропускает, всё по своему детству меряет, а он в своей далёкой провинциальной школе был любимчиком класса, баловнем учителей, заводилой и баламутом. Он – душа нараспашку, и протянуть руку помощи для него святое, но и его не трожьте правилами поведения в общественном месте! Вся его жизнь и хлеб насущный – на весах симпатии и обаяния, он не вписан ни в какую структуру и иерархию... Словом, ему не понять, почему какая-то злая страшная бабища имеет право портить людям праздник.

Но самое страшное, что, оказывается, она ещё и танцует! Это был завершающий аккорд, жемчужина среди плодов хореографии мадам Скворцовой – поздравительный танец от лица родителей. И самое апокалиптическое зрелище, которое когда-либо приходилось видеть Лиле на театрализованных подмостках. Группа родительниц под предводительством Скворцовой отплясывала под переделанную песню Шнурова про «лабутены», как раз бывшую на пике популярности в том году. К несчастью, Лиля и Игорь сидели в первом ряду, и пляшущее жировое отложение, в которое превратилась очковая змея, тряслось аккуратно перед ними. Лиля боялась смотреть на Игоря. Она могла только гадать о том, что сейчас последует.

Но он стиснул зубы и держался молодцом. Только вдруг как-то осунулся и потускнел от нахлынувшего печального прозрения:

– А ведь зря мы Богдана не слушали, когда он костерил эту Скворцову и всю эту шушеру! Ругали его, отчитывали. Да я бы на его месте не просто уроки срывал бы, я бы им в рожу плюнул!

Лиле и самой было стыдно перед сыном. И не только перед ним, а перед теми детьми, в чьих глазах читалось грустное понимание происходящего. Кто пришёл не в

шикарных туалетах, и чьи родители не опустились до безвкусного действия. Особенно стыдно было, когда начали вручать золотые медали и выяснилось, что медалистом стал видный пропагандист лёгких наркотиков. Тот самый, которому Ваня чуть не начистил рыло. Лиле на миг захотелось встать и прокричать: где вы, пламенные борцы с коррупцией?! Вот же её молодые росточки, с которых надо начинать! Но тут торжественная часть начала сворачиваться, а Игорь вдруг встал и быстро затерялся в толпе.

«Пошёл искать справедливость!» – ужаснулась Лиля.

Игорь боготворил учителей своего детства. На беду у него были слишком возвышенные представления о выпускном вечере. Впрочем, как и у Лили, но ведь известно, что женщины адаптируются быстрее. Лили искала мужа в толпе, спускающейся вниз, желая успокоить и рассказать, что не живёт село без праведника. И в этой школе есть чудесные математик, историк, англичанин, есть молодая учительница химии – если их ещё не сожрали адепты реорганизации образования. И наверняка есть ещё кто-то стоящий, а уж про музыкальных педагогов Игорь и сам знает. Просто в этой вакханалии настоящего не разглядишь...

Опасения оказались не напрасными. Игорь был обнаружен на крыльце школы, где припечатал Богданову классную руководительницу вопреком:

– Я своей учительнице в голодные девяностые деньги присылал! А ваши ученики будут вам деньги присылать, когда вас вышвырнет с работы новое руководство?!

«Так, пора валить отсюда!» – панически решила Лилия. И чего он к бедной классной пристал? Она ведь, в сущности, неплохая. Особенно, если учесть, что взяла класс за год до выпуска, после того как от новой власти внезапно сбежала предыдущая. Текучка кадров в школе была лютая из-за окаянных нововведений.

Пока Лилия пыталась успокоить разгорячённого и готового броситься в идеологический бой Игоря, назрела новая проблема: Богдан тоже ринулся в решающий бой против предстоящей ночи в «отстойной попсовой дискотеке».

– Лучше бы мы с Максимом и с Владиком...

– Да, знаю! Лучше бы набухались в подворотне и попали бы в отделение! – зло ответила Лилия. – Нет уж, с меня хватит! И потом, ты же в нормальное место идёшь, без пафосной дури, не туда, куда отправляется большинство за дебильные деньги, на которые месяц можно прожить.

Но тут Лилия осеклась, вспомнив о внезапно обозначившейся сегодня Богдановой правоте. И о том, что тема выпускного неминуемо затрагивает тему его первой любви – болезненной и разочаровавшей. Вспомнила о предмете этой любви, фигуристой барышне, кружившейся в том злополучном вальсе с одним из расфуфыренных «комитетских» сынков. Вспомнила о том, как яростно Богдан отрицал все эти сантименты, когда Лилия пыталась его разговорить. И тогда она резко сменила тон и нелепо, чуть не плача, стала просить сына сходить на этот выпускной, будь он неладен, ради неё! Да, именно так: не для романтической галочки начала своей взрослой жизни, а для бестолковой, запутавшейся в собственной жизни матери, которая вечно хочет как лучше.

Это был провал, который противоречил всем Лилиным воспитательным принципам. И она потонула бы в нём, если бы не подоспевшее Ванино семейство. Слово за слово, и накотившие было слёзы послушно закатились обратно, как полочки провизорского шкафчика в аптеке. Игорь сфотографировал их всех вместе, и этот маленький эпизод хотя бы чуть-чуть напомнил Лиле праздник.

– Ладно! – махнула рукой Ванина матушка, памятуя, что Богдану до дома далеко. – Нехай у нас дома пересидят, пока автобус за ними пришлёт. Хотя бы прослежу, чтобы никуда не удрали.

Давно Лилия не была никому так отчаянно благодарна.

***

...А ведь часто последней каплей в чаше печали бывает именно добро. И вот тогда плотину прорывает и душа отпускает свой камень. И несёт нас исповедальная птица-тройка в Берендеево царство, несёт бешено и неукротимо. Может, поэтому, когда вернулись домой, Лилия вдребезги напилась. Впервые лет за пятнадцать. А у Игоря и так был запой. Это было давно

забытое единение смыслов, это был синхронный отрыв. Это был драгоценный катарсис, который так редко может позволить себе женщина – видный борец с мужским алкоголизмом. Напиться – и горланить песни под гитару! Какое дивное внезапное студенчество, как хорошо! В состоянии аффекта выяснилось, что на подкорке пьяной Лили не осталось ни любимого Серебряного века, ни классики романса. В ней, как ни прискорбно, царил шансон. Сплошной Розенбаум и Вилли Токарев. Из неведомых глубин памяти выплывали целые и невредимые тексты хитов «Гоп-стоп», неувядающие «конфеты «Ананас» и две бутылочки для нас» и что-то проплывало «Над Гудзоном...». Ударим пьянством по фальшивому школьному вальсу, по продажности и лицемерию, по цинизму и жестокости, по хамству, по двойным стандартам – наконец, по всему тому, что душит талант! Лиля была в ударе. Последнее, что она помнила – это великая песня Гарика Сукачёва «Свободу Анжеле Дэвис!», в момент исполнения которой в стену постучали соседи, обычно кроткие, терпеливые люди. Лиля с Игорем их даже не знали. После этого Лиля вырубилась, смутно пузырясь гордостью за то, что с шансона всё же перешли на рок-н-ролл, при этом не оплошали и показали себя перед соседями на более высокой ступени развития, чем оно могло показаться часом ранее.

***

Утром пришлось осознать, что рок-н-ролл только начинается. Иезуитский план мироздания заключался в том, что этим летом надо было не только окончить школу, но и поступить в музыкальный колледж. Это вам не по результатам госэкзамена быть зачисленным! И поступление предстояло буквально на днях. Когда Богдан и увязавшаяся за ним Лиля приехали подавать документы, их ждал новый сюрприз: в этом году в музыкальных заведениях ввели новшество – конкурс аттестатов. Лиля в ужасе начала оплывать, как свеча: аттестат Богдана был хуже некуда.

– Доигрался! Говорили тебе, что надо заниматься, а не уроки срывать.

Лиля бессильно стенала, Богдан хранил сумрачное молчание.

Когда результаты общего конкурса аттестатов вывесили на сайте приёмной комиссии, Лиля парадоксально успокоилась

– видно, организм включил защитные механизмы. Оказывается, она боялась, что сын будет на последнем месте – ан нет! Он оказался на почётном предпоследнем, а «пальму первенства» у него перехватил кто-то из ударной секции. «Средь нас был юный барабанщик...» – умилённо напевала про себя Лиля песню времён пионерского накала. И с тех пор стала внимательнее к ритмическому рисунку бытия.

Когда же настал час экзамена по специальности, она струхнула не на шутку. Богдан всячески пытался от неё отвязаться, но она придумала свой план. А именно – приехать позже и взять с собой папу. Он как раз в эти дни прибыл в Москву на конференцию. И оказался свободен. Заодно и для Богдана мобилирующий сюрприз – с дедом он отлично ладил. Хотя Лиля понимала, что совершает немного странный поступок – как будто это она сама сдаёт экзамен, но ведь в чём-то это так и есть. И она боится, что не сможет быть взрослой. И ей нужен тот, кто сможет. А кто это, как не отец? Тем более что он свободен и согласен подыграть любой авантюре. У него получается быть несерьёзным и смешливым, когда всё очень серьёзно и не смешно. Он же профессор, всю жизнь преподаёт, только материю иную – физику. Ему одновременно всё знакомо – и удивительно.

А Игорь? А что Игорь. Он ещё суевернее самой Лили. Он только-только вернулся к работе, он ещё слаб и уязвим. Его надо пока оставить в покое. У него другая миссия.

– Смотри-ка, к ним тут негритянка поступает! – радостно и по старинке неполиткорректно заметил папа. – Уж её-то, наверное, без экзаменов примут на джазовое отделение.

Лиля скользнула взглядом по юной мулатке и тут же для удобства прозвала её Анжелой Дэвис. Видно, не остыл ещё песенный драйв. И, похоже, сработала интуиция. Ведь весь тот день, пока она ждала выступления Богдана, у неё крутилась мысль: как же я на втором экзамене буду одна? Без папы! А ведь предстоит сольфеджио, письменно и устно, и само витиеватое слово уже вызывает приступ паники. С папой-то пронесло, он – испытанная хорошая примета, а что будет без него – и подумать страшно.

И этот день настал! Оказавшись в группе таких же, как она, волнующихся родителей, Лиля сначала разговорилась с

мамой гитариста, а потом они обе, трепещущие и больше задающие друг другу вопросов, чем друг другу отвечающие, прибились к одной уверенной и обстоятельной особе. Кого-то она, конечно, напомнила Лиле, но ей было некогда перебирать аналогии, она жадно впитывала информацию. И быстро поняла, что эта боевитая русская женщина – в общем, это и есть «мама Анжелы Дэвис». Тем удивительнее казался её опыт.

– Да, я преподавала в ЦМШ, но мы оттуда ушли... поругались и ушли. И стали поступать к Бутману. Ну вы же знаете, что в училище на Трёхгорке теперь он заправляет?!

Лиля жадно кивала, хотя до сего момента знать не знала.

– Так вот, мы приходим, а у нас же экзамен по алгебре не сдан. И нам говорят: «Вы что?! С двойкой по госэкзамену к Бутману?! Да это же скандал на всю страну!»

Лиля не могла не восхищаться этой невозмутимой пробивной силой: она плакала о троечном аттестате, а тут люди и с двойкой не тушуются. К самому мэтру идут! Во как надо! Слушая маму Анжелы Дэвис, Лиля чувствовала, как рушится в ней внутренний хлам запретов и ограничений, как интересно и вольготно ей становится жить, и как досадно, что приходится по старой привычке пугаться, видя, что Богдан вышел из экзаменационного кабинета бледный и возбуждённый, ибо Лиля так и не дослушала захватывающий спич об интригах в Гнесинке.

Эта женщина знала музыкальную подноготную города и чувствовала себя в ней, как рыба в воде. В отличие от неё, Лиля не имела понятия даже об элементарном: например, о том, что в музыкальное училище можно поступать без аттестата музыкальной школы. Можно её не окончить и принести лишь справку. И вообще, – оказывается, сколько всего можно, а Лиля который год дрожит, как овечий хвостик.

Возвращаясь в тот день на негнущихся от усталости ногах, она

понимала, что мама Анжелы Дэвис воплотила для неё невозмутимую практичность мамы Гринвальд, надёжность и решительность мамы Вани и дерзкое бунтарство Максимовой мамы с ирокезом. В этой женщине было всё, чего Лиля не досчитывалась в себе. И что ей теперь было необходимо как воздух.

***

Когда же испытания того года были уже позади и мать с сыном порой углублялись в разговоры на трудные темы, начинали спорить, и Лиля пугалась Богданова подросткового радикализма, – она выпускала на свободу Анжелу Дэвис. Так это называлось. Дескать, как она? Как у неё учеба? И Богдан рассказывал, что она хулиганит, что её даже выставили из общаги за плохое поведение, что она теперь учится играть на барабанах, что она потеряла в электричке свою флейту – да, ведь она тоже в школе училась на флейте! И что Богдан ей одолжил свою – надо же ей на чём-то играть, чтобы зарабатывать, Богдан и сам раньше играл в электричках и на улице, а что такого? Хотя Лиля волновалась, а Игорь и вовсе был против. И вот когда Богдан всё это рассказывал, Лиле почему-то становилось уютно и спокойно, хотя она и тревожилась за Анжелу Дэвис, маленькую и по росту и по возрасту, и это ведь опасно – девчонке с экзотической внешностью ходить по электричкам, где могут и пьяные быть, и кто похуже. А потом Лиля начинала волноваться уже за флейту: дескать, а что если она и её потеряет, нашу волшебную девочку?! Но потом... потом Лиля смирялась, вспоминая тот миг драгоценной беспечности и полёта, что подарили ей люди, так и не ставшие друзьями, и в сущности незнакомые – но причастные к тем счастливым фрагментам полотна судьбы, которые зовутся божьим промыслом.